

Г. В. ГОЛЕНОК

**Идея
многовариантности
истории**

Движется ли история по строго определенному маршруту? Верно ли, что события совершаются по объективной логике истории, без участия людей, их свободной воли? Разве не мы сами творим историю? В современной философии утвердилась мысль, что никакой фатальной (роковой, неотвратимой) необходимости как фактора истории нет. История свобод-

В разные эпохи перед человечеством раскрывались неожиданные альтернативы. История предлагала ему веер возможностей, но они не были разгаданы. Избрав некий жребий, люди вынуждены были следовать намеченным курсом. Он становился их судьбой. Зачем же тогда сетовать по поводу утраченных возможностей? Но история продолжается: воз-

спективы. Таков примерно ход современной историософской мысли.

Концепция многовариантности истории находит свое отражение прежде всего в осмыслении истоков человеческого общества. Некоторые философы полагают, что выбор конкретных цивилизационных альтернатив у первоначала истории целиком зависел от развертывания тех или иных граней человеческого потенциала. Иначе говоря, история может двинуться в самых различных направлениях в зависимости от того, какая сторона человеческой активности получила бы преобладающее развитие.

У истоков истории, полагают некоторые философы, например Л. Мамфорд, Э. Левинас и другие, маячили разнообразные альтернативы. Кроме технической цивилизации могла, в частности, сложиться цивилизация биологическая, биотехническая или, скажем, духовно-медитативная. Можно было бы, скажем, мобилизовать все внутренние ресурсы на постижение самого человеческого духа. «Высший космический принцип, — пишет С. Гроф, — можно переживать двояко. В одних случаях все границы личности растворяются или разом стираются, и мы полностью сливаемся воедино с божественным истоком, становясь неотличимыми от него. В других же случаях мы сохраняем чувство отдельной личности, выступая в роли изумленного наблюдателя, лицезреющего со стороны великую тайну бытия. Или подобно некоторым мистикам мы можем испытывать экстаз восхищенного любящего, переживающего встречу с Возлюбленным. Духовная литература всех эпох изобилует описаниями обоих типов переживаний Божественного»¹.

Древний человек скорее проявил себя как искатель смысла, творец видений, нежели как *homo faber*. Американский культуролог Теодор Роззак утверждает: до наступления палеолитической эры господствовала другая — палеотаумическая (от двух греческих слов — «древний» и «достойный удивления»). Еще не было никаких орудий труда, но уже была магия. Мистические песнопения и тан-

цы составляли сущность природы человека и определяли его предназначение еще до того, как первый булыжник был обтесан для топора.

Вот контуры этой древней жизни: сначала мистические видения, потом орудия труда, мандала вместо колеса, священный огонь раньше, чем костер для приготовления пищи, поклонение звездам еще до того, как появился календарь, золотая ветвь вместо посоха пастуха и царского скипетра. Одним словом, молитвенно-восторженное восприятие жизни в противовес одностороннему практицизму палеолитической эры.

По этому пути пошли древние народы, о чем свидетельствуют созданные ими культуры, предписывающие индивиду полное слияние с Космосом, с изначальной и всеобщей сущностью. Покорность миру, стремление раствориться в нем, услышать в сферах духа звучание всей Вселенной — таковы установления древних восточных религий.

Если бы человечество пошло по этому пути, рассуждают многие философы, то оно развило бы духовные ресурсы, приобщилось бы к Космосу, учитывало бы возможности и ресурсы природы. Жребий человечества не был бы таким драматическим. Мир не знал бы ни экологической катастрофы, ни других последствий технической цивилизации.

Человек мог попытаться развить собственную биологическую природу. Как природная особь, он обладает пластичной физической массой. Ни одно животное не способно заняться культуризмом или бодибилдингом. Биологическая природа человека позволяет менять очертания тела, наращивать мускулы, перестраивать организм. Действительно, первоначальное развитие древнего человека было основано на том, что Андре Вараньяк удачно назвал «технологией тела»: использование высокопластичных свойств тела для выражения еще не оформленного и не информированного ума, до того как этот ум уже приобрел посредством развития символов и образов свои собственные, бесплотные технические инструменты. Человек мог отправиться по заданно-

му маршруту и создать так называемую биологическую цивилизацию, о чем писал, в частности, известный американский культур-философ Л. Мамфорд².

Образ еще одной цивилизации — биотехнической, который возникал в работах американского исследователя Л. Мамфорда, ныне становится популярным в определенных философских кругах. Пластичность, универсальность функций тела содействовала, по мнению Мамфорда, развитию человека и его уникальной природы. Что касается орудийной техники и производной от нее современной машины, то они являются, по словам Л. Мамфорда, лишь специализированными фрагментами биотехники.

Одной из наиболее интересных исследовательских программ в области трансперсональной психологии является «Проект исследования резервных возможностей» Института Эсален, начатый в 1976 году. Суть проекта состоит в том, чтобы собрать, каталогизировать с помощью компьютеров и изучить все зафиксированные в мировой литературе проявления резервных возможностей человека. Руководитель проекта М. Мерфи анализирует собранные данные в объемистой книге «Будущее тела: исследования дальнейших возможностей человеческой эволюции» (1992). Он спрашивает, о чем говорит феномен резервных возможностей человека, почему, например, происходит рост рекордов. Дело не только в том, что человечество находится сейчас в состоянии глобального стресса в связи с глубинной перестройкой всей социальной ткани, но и в том, что мы находимся на пороге нового видового скачка.

Происшедшие глобальные изменения пробудили некие новые возможности, необходимые для адаптации человечества к новым условиям. И феномен резервных возможностей говорит прежде всего о переходе к этому новому уровню существования и является, по сути, преддверием эволюционного скачка. По мнению Мерфи, в недалеком будущем, может быть, в первые десятилетия нового столетия, произойдет массовое осво-

ение управления любыми функциями тела. То, что сейчас доступно немногим индивидам, прошедшим сложную йогическую школу, станет фактом массовой культуры. Аналогичную протеевскую мифологему грядущего всевластия тела над духом развивает киберпанковская культура и начавшееся освоение «виртуальной реальности». Похоже, человечество не рассталось с этим возможным проектом цивилизационного развития.

Если бы древний человек стал развивать свои телесные силы, выявлять огромные возможности собственной физической природы, это привело бы к далекому идущим последствиям. Ориентируясь на внутренние ресурсы организма, человек приспособился бы к природе, а идея природы не превратилась бы в столь важную для греческой культуры идею инобытия. Человек разбудил бы скрытую мощь живой плоти. Выступая на XVII Всемирном философском конгрессе, французский философ Э. Левинас подчеркивал, что в европейской культуре наряду с античной аналитической традицией живет и другая, обращенная к человеческому телу, к зову природы.

Но европейский человек пошел по другому пути. Им завладела жажда познания и покорения мира. Он смело доверился познающему уму. Производство орудий в узком техническом смысле действительно восходит, возможно, к нашим африканским человеческим предкам. По словам Л. Мамфорда, около пяти тысяч лет назад появилась моно-техника, целиком посвященная увеличению власти и богатства путем систематической организации повседневной деятельности по строго механистическому образцу. В этот момент возникла новая концепция природы человека, и вместе с ней появился новый акцент на использовании физических энергий, космической и человеческой, помимо процессов роста и размножения. В Египте Озирис символизирует старую плодородную, жизнеориентированную технику, Атон, бог Солнца, который специфически создал мир из собственного семени, без содействия женщины, символизирует машинно ориен-

тированную технику. Главным знаменем этого изменения было создание сложных высокомоощных машин³.

В мнимом овладении окружающей средой крылась коварная уловка. Люди перестали доверять своей собственной природе, отказались от развития и совершенствования тела и духа. Вооружившись камнем, молотком, плугом, они обратили взор на внешний, а не на внутренний мир человека. Постоянно совершенствуясь, техника породила иллюзию возможного порабощения природы. «Уже в начале IX века начинает осознаваться новое эксплуататорское отношение к природе, — пишет американский ученый Л. Уайт, — что, в частности, отразилось в оформлении франкских иллюстрированных календарей этой поры. Если в прежних календарях двенадцать месяцев олицетворялись пассивными аллегорическими фигурами, то в новых календарях они изображаются в виде человеческих фигур, занятых покорением мира. Человек и природа здесь разведены, человек выступает в роли хозяина природы»⁴.

Западный человек, жаждущий познания и власти, в конечном счете создал техническую цивилизацию, которая грозит человечеству полной катастрофой, истощением его духовных ресурсов, исчезновением самой жизни.

Тысячелетиями древние китайцы воспроизводили привычный уклад жизни. Никто не смел нарушить предустановленный ритуал, даже император — он весь опутан вековыми заповедями. Уже изобрели коромысло, но крестьянин все еще носил воду без него, как это делали его предки. При этом он, очевидно, думал: «Кто знает, к чему приведет это вроде бы невинное нововведение?» И не случайно древние цивилизации предупреждали: «Проклятие жить в пору перемен».

Каждая культура создает свою стратегию выживания. Но какая наиболее ценная? Европейская культура ориентирована на прогресс. Она решительно расстается со всем косным, отжившим. Не случайно в ее

истории так много революций, войн и других социальных потрясений. Восточная культура, напротив, как правило, ориентирована на традицию. С точки зрения европейца, это чревато сохранением патриархальности. Зато в восточной культуре нет такого множества социальных катаклизмов, конфликта поколений, тургеневских «отцов и детей» или лермонтовского «Печально я гляжу на наше поколение...».

Итак, историческое творчество многомерно и разнообразно. Оно целиком зависит от спонтанной активности человека, от его духовного восприятия мира. В наличной истории потенциал личности реализован крайне убого. Европейский человек отказался и от медитативного погружения в глубины психики, и от культа собственного тела.

В начале нового тысячелетия прогнозисты пытаются представить множество вариантов развития истории. В современной философии мысль о том, что история нуждается в разного рода альтернативах, весьма популярна. Трудно смириться с мыслью, что история мчится по заранее проложенным рельсам. Можно ли уйти от «приговоренности»? Выход есть, и он, оказывается, предельно прост: прогнозов должно быть много. Сонм провозвестий трудно воплотить в действительность, и потому это единственная возможность вернуть истории желаемую альтернативность.

Множество противоречащих друг другу «сценариев», «моделей», «прогнозов» создает впечатление, будто история чревата вулканическими сдвигами. Компьютер взял на себя функции оракула. Проигрываются различные варианты «штурма будущего». Философы подчас убеждают друг друга: историю можно пригласить в любое приключение идиллического или авантюрного свойства.

Не просматривается ли здесь другая крайность? Нередко исторический процесс описывается как вереница случайностей. Он представляется подобным броуновскому движению. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело

грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной, истомившейся жертвой «самоорганизующихся прогнозов».

Идея многообразия социально-исторических путей человечества содержит в себе немало продуктивных и значимых ходов мысли. Развертывание всемирной истории предполагает не стирание цивилизационных и культурных особенностей, а сохранение этого своеобразия. Идея открытости истории, ее многовариантности несовместима с жестким представлением о неукоснительном схождении всех культурных матриц в некую усредненную точку глобального развития, символизирующую магистральный путь развития всего человечества. Навязывание всем народам единого технического или, скажем, информационного цивилизационного уклада существенно обеднило бы многообразие культур. Разумеется, современный мир движется к информационной цивилизации. Но как она будет выглядеть? Не возникнут ли другие проекты будущего? Все ли страны будут вовлечены в этот процесс? Эти вопросы волнуют едва ли не всех современных философов.

Доминирующим культурно-цивилизационным проектом сегодня остается идея «информационного общества». Вероятно, ее ведущим представителем в наши дни является Э. Тоффлер. Этот исследователь не считает свои прогнозы ни утопией, ни антиутопией. Свой жанр он именуется «проктопией», то есть практической утопией. В ней нет безмерной идеализации. Это описание более практичного и более благоприятного для человека мира, нежели тот, в котором мы живем. Но в этом мире в отличие от утопии есть место злу — болезням, грязной политике, несправедливости.

Читатель, незнакомый с предыдущими работами Э. Тоффлера на русском языке⁵, возможно, не сразу поймет логику представленной книги. Авторы считают, что мир формируется своеобразными волнами социального развития. Техника, как они считают, обуславливает тип общества и тип культуры.

Причем влияние техники имеет волнообразный характер. Прослеживается логика трех «волн». Сначала была Первая волна, которую они называют «сельскохозяйственной цивилизацией». От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима возникали и приходили в упадок цивилизации, у которых, несмотря на внешние различия, были фундаментальные общие черты. Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики. Везде господствовало простое разделение труда и существовало несколько четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы или крепостные. Везде власть была жестко авторитарной. Везде социальное происхождение определяло его место в жизни. Везде экономика была децентрализованной, каждая община производила большую часть необходимого.

Триста лет назад — плюс-минус полстолетия — произошел взрыв, ударные волны от которого обошли всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была, конечно, промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила, распространившаяся по миру, — Вторая волна — пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов.

К середине прошлого века силы Первой волны были разбиты, и на Земле воцарилась «индустриальная цивилизация». Однако всевластие ее было недолгим, ибо чуть ли не одновременно с ее победой на мир начала накатываться новая — третья по счету — «волна», несущая с собой новые институты, отношения, ценности.

Каждый человек имеет дело с этими составляющими человеческого опыта. Каждая цивилизация описывает их по-своему. Каждая цивилизация обучает своих детей справляться со временем и пространством. Необходимо объяснить через миф ли, метафору или научную теорию, как функционирует природа. И надо предложить некий ключ к пониманию того, как все это происходит в этом мире.

Наиболее знакомым из этих принципов Второй волны является стандартизация. Всем известно, что индустриальные общества производят миллионы совершенно одинаковых продуктов. Однако лишь немногие осознают, что, с тех пор как возросло значение рынка, мы не просто стандартизировали бутылки «кока-колы», электрические лампы и коробки передач, но приложили те же самые принципы ко многим другим вещам. Второй великий принцип, распространенный во всех обществах Второй волны, — специализация. Чем больше сглаживала Вторая волна различия в языках, сфере досуга и стилях жизни, тем более она нуждалась в различиях в сфере труда. Усиливая их, Вторая волна заменила крестьянина, временного и непрофессионального «мастера на все руки», узким специалистом, выполняющим лишь одну-единственную задачу, снова и снова по методу Тейлора.

Цивилизация Второй волны создала полностью новый образ реальности, базирующийся на своеобразном представлении о времени и пространстве, материи и причинности. Собирая обломки прошлого, по-новому комбинируя их воедино, используя опыты и эмпирические исследования, она круто изменила представления людей о мире вокруг себя и о себе в этом мире.

Синхронизация являлась одним из ведущих принципов цивилизации Второй волны, и всюду люди эпохи индустриализма участвовали в гонке за временем, желая не отстать, мельком нервно поглядывая на часы. Даже в древнейших обществах труд тщательно организован во времени. Воины-охотники обычно работали вместе, чтобы поймать свою жертву. Рыболовы согласовывали свои усилия при гребле или вытаскивании сети. Для гребца время маркировалось простым звукосочетанием из двух слогов, чем-то вроде «О-оп!».

Чтобы осознать время и добиться синхронизации, люди должны были изменить свои представления о времени, мысленный образ времени. А для этого была необходима «податливость времени».

Земледельческие народы, которым нужно было знать, когда сажать и когда убирать урожай, с замечательной точностью разработали систему измерения длинных промежутков времени. Поскольку им не требовалась строгая синхронизация труда, крестьяне редко определяли точные единицы для измерения коротких промежутков. Они обычно делили время не на неизменные единицы, подобно часам и минутам, а на неопределенные, неточные отрезки, исходя из количества времени, необходимого для какого-либо будничного дела. От фермера можно было услышать определение «время дойки одной коровы». На Мадагаскаре получила распространение единица времени, названная «варка риса», минута же обозначалась — «жарка одной саранчи». Англичане упоминали об «отче наш», то есть о времени, требующемся для чтения молитвы.

Вместо неопределенного промежутка «отче наш» индустриальным обществам нужны были очень точные единицы, вроде часа, минуты или секунды. И эти единицы должны быть стандартными и не меняться в зависимости от времени года или места. Весь мир четко поделен на временные пояса. Мы говорим о «стандарте» времени. Летчики на всем земном шаре соотносятся со временем «зулу», то есть со средним временем по Гринвичу. По международному соглашению Гринвич в Англии стал точкой всемирного времени, от которой ведется остальной отсчет. Периодически, действуя одновременно и словно подчиняясь чьей-то единой воле, миллионы людей ставят свои часы на час вперед или назад, и что бы ни говорило нам наше внутреннее чувство о том, как время тянется медленно или же, напротив, быстро пролетает, один час теперь — это равнозначный, стандартизированный час.

Синхронизация. Стандартизация. Линейность. Эти понятия перевернули укоренившиеся представления о ритме и заставили простых людей совсем по-иному обращаться со временем в повседневной жизни⁶.

Одно остается непонятным. Индустриализм был кратким мигом в истории — всего

лишь три столетия, исчезнувшие в безмерности времени. Что вызвало промышленный переворот? Что заставило Вторую волну пронестись по планете?

Вторая волна внесла изменения в шумовой фон: заводской гудок заменил крик петуха, визг тормозов — стрекотание сверчков. Особенно явственно это ощущалось по ночам, удлиняя часы бодрствования. Появились зрительные образы, не существовавшие прежде для человеческого глаза, — съемки земной поверхности, сделанные с самолета, сюрреалистический монтаж в кинематографе, биологические организмы, впервые обнаруженные с помощью высокомоощного микроскопа. Аромат ночной земли вытеснили запах бензина и зловоние карболки. Изменился вкус мяса и овощей. Стало иным восприятие ландшафта в целом. Все это, несомненно, сказалось на рекламе, на ее содержании и исторических судьбах.

Машины лишили людей индивидуальности, а технология внесла рутинность во все сферы общественной жизни. Миллионы людей вставали примерно в одно время, сообщая покидали пригороды, устремлялись к месту работы, смотрели одни и те же телепрограммы, что и их соседи, почти одновременно выключали свет. Люди привыкли одинаково одеваться, жить в однотипных жилищах. Тысячи научно-фантастических романов пронизывала мысль: чем выше уровень развития техники, чем она сложнее, тем более стандартизированными и одинаковыми станем мы сами.

Но вот началась Третья волна. Тенденция к унификации породила контртенденцию. Появился запрос на новую технологию. «Информационный взрыв» рассматривается как порождение отживших структур. Однако почему прежние социальные структуры стали разрушаться? Откуда взялись новые запросы и потребности? Что, вообще говоря, порождает грандиозные технологические сдвиги? Тоффлер не отвечает на эти вопросы в духе технологического детерминизма, но подчеркивает великую роль техники в истории человечества.

Тоффлер анализирует различные стороны общественной жизни, но при этом берет за доминанту преобразования в техносфере. Третья волна не только заменила образчики синхронизации Второй волны. Она атаковала также основную особенность индустриальной жизни — стандартизацию. Сдвиг в сторону от традиционного массового производства сопровождается параллельной демассификацией рынка, покупки и продажи товара, потребления. Пользователи начинают делать свой выбор исходя не столько из того, какую специфическую материальную или психологическую функцию выполняет товар, сколько из того, как он соответствует той конфигурации продуктов и сервиса, которую они хотели бы иметь. Эти индивидуальные конфигурации временны, так как зависят от стиля жизни, который они же помогают реализовать.

Идея технических мутаций, оказывающих многомерное воздействие на социальный прогресс, давно уже получила признание в современной философии и социологии. Тоффлер рассматривает «третью волну» как грандиозный поворот истории, величайшую трансформацию социума, всестороннее преобразование всех форм социального и индивидуального бытия. Но речь идет не о социальной революции, направленной в основном на смену политического режима, а о технологических изменениях, которые вызревают медленно, эволюционно. Однако впоследствии они рожают глубинные потрясения. Чем скорее человечество осознает потребность в переходе к новой волне, тем меньше будет опасность насилия, диктата и других бед. Человеческому сознанию трудно привыкнуть к мысли, что преобразится не только отдельный фрагмент социального бытия, а вся социокультурная реальность. В цивилизации «третьей волны» важнейшими факторами станут информация и воображение.

Тоффлер стремится обрисовать будущее общество как возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе. Масштабные и интенсивные преобразо-

вания касаются теперь не только сферы хозяйства, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Иной становится практика образования и мышления. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления должны быть радикально реконструированы. Таков общий смысл концепции Тоффлера.

Мы осознаем сегодня, что мировое развитие осуществляется неравномерно. Вот почему мышление о будущем должно быть системным, ибо различные рассогласования между процессами мирового потребления и инфраструктурами управления, между производительными элементами мирового хозяйства и трансрегиональными потоками ресурсов, товаров и услуг оказываются более значительными. Тоффлер задумывается над интенсивными формами развития в противовес характерным для прежнего социального мышления экстенсивным моделям социальной динамики.

Меняются масштабы нашей жизни. На наших глазах рождается эпоха глобальной конкуренции. Обозначается новый виток межэтнических и геополитических столкновений. Э. Тоффлер убежден в том, что важно как можно скорее адаптироваться к стремительным переменам. Это в первую очередь касается «золотого миллиарда» людей, то есть тех, кто живет в развитом экономическом мире. Но как достичь устойчивого развития?

Развертывая весьма драматическую картину будущего, Тоффлер приходит к выводу, что конфликт — неизбежное общественное событие. Но борьба за власть, по его словам, не обязательно является злом. Вместе с тем сверхконцентрация власти опасна. Но и недостаточная ее концентрация — тоже не благо. Мир, который описывает Тоффлер, не идилличен. Он суров, полон тревоги и коллизий.

Однако в его работе нет анализа негативных последствий такой цивилизации, которая рождается на глазах. Еще в конце 70-х годов прошлого столетия Э. Фромм говорил о возможности создания информационного империализма. Информация на самом деле может стать средством информационного давления и господства. Все чаще пишут о том, что наука не знает, как отразится на человеке новые технологии. Философы предостерегают против политического диктата. Новейшие политические технологии, вооруженные средствами информатики, могут уверенно формировать общественное мнение, манипулировать общественным сознанием. Господство информационных технологий способно решительно изменить всю общественную жизнь.

Может ли человек жить в информационном пространстве? Пока нет серьезных исследований, которые показывали бы благотворные воздействия новых технологий на психику человека. Напротив, многие исследователи показывают, что повальная компьютеризация преобразует человеческую природу, меняет человеческое сознание. Появляются люди, лишенные эмоционального мира. Это дети эпохи компьютеризации. Общение с новой технологией надо выверять по меркам человека.

¹ Гроф С. Космическая игра. М., 2001. С. 34.

² Мамфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 230.

³ Там же. С. 232.

⁴ Уйат Л. Исторические корни нашего экологического кризиса // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 190.

⁵ Тоффлер А. Шок будущего. М., 2001, 2004; Он же. Третья волна. М., 1999; Он же. Метаморфозы власти. М., 1999.

⁶ См. об этом: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.